

В.В. СОГРИН

Осмысливая советский опыт. О новейших трудах по истории XX века

"Каждое поколение историков переписывает историю заново". Это суждение вошло в историографическую классику. Отношение к нему неизменно противоречиво: одни полагают, что "переписывание истории" каждым новым поколением историков свидетельствует о господстве конъюнктуры в исторической мысли, другие считают, что это явление неизбежное и позитивное.

Полагаю, что правда при всех возможных оговорках на стороне второй группы историков. Действительно, "переписывание истории" диктуется объективными потребностями развития исторического знания, среди которых выделяются три. Во-первых, это расширение источниковой базы исторических исследований. Во-вторых, изменение теоретического и методологического инструментария исторического познания. В-третьих, обновление исторической ретроспективы, приносимое новыми, особенно крупными и переломными историческими эпохами.

Нетрудно показать, что эти три фактора непосредственно повлияли на обновление исторического знания в России конца XX века. Политическая демократизация имела одним из следствий резкое увеличение доступа историков к архивным материалам. Она же дала шанс взломать марксистско-ленинский теоретический и методологический монизм, заимствовать и использовать теоретико-методологические наработки мировой исторической науки. Наконец, переломная историческая эпоха конца XX века позволяет увидеть в российском прошлом потаенные прежде причинно-следственные связи и по-новому высвечивает историческую роль тех или иных деятелей, партий, классов.

Уже во второй половине 1980-х годов под воздействием политической демократизации в российской исторической мысли возникло несколько конкурирующих течений. Среди главных, на мой взгляд, подходов выделились: формационно-ортодоксальный, формационно-ревизионистский, либеральный и цивилизационный. Все они испытывали и испытывают воздействие политических перипетий эпохи и в ряде отношений следуют в фарватере соперничающих политико-идеологических течений. Но эта закономерная "болезнь роста" новой историографии, хочется надеяться, будет постепенно преодолеваться, зерна будут отделяться от плевел. Соответственно будет повышаться как конкурентоспособность российской историографии в рамках мировой исторической науки, так и возможности интеграции в нее.

В данном обзоре предпринимается попытка проанализировать подходы новейшей зарубежной и российской историографии к основным проблемам истории России XX века на примере двух крупных исторических трудов. Для рассмотрения избраны работы, увидевшие свет в 1998 году. Это книга американского автора Р.Г. Суни "Со-

С о г р и н Владимир Викторович - доктор исторических наук, профессор.

ветский эксперимент. Россия, СССР и их наследники" [1] и монография российского историка Р. Пихоя "Советский Союз: история власти. 1945-1991" [2]. Обе книги, ценные сами по себе, одновременно дают представление о важных тенденциях российской и американской историографии на исходе XX века.

* * *

Работа известного американского историка-русиста Суни выпущена ведущим научным издательством США "Оксфорд юниверсити пресс". Это обобщающий труд по истории СССР, но было бы явной натяжкой и даже ошибкой считать его новейшим обобщением американской советологии в целом. В американской советологии всегда наличествовали разнообразные течения, а главными были два. Во-первых, это ортодоксальное течение (его выразителями являются хорошо известные у нас Р. Пайпс, З. Бжезинский, Р. Такер, Р. Конквист), рассматривавшее советский опыт с остро критических позиций. Во-вторых, ревизионистское течение, развивавшее объективистский подход к истории СССР (среди его представителей такие историки, как М. Левин, С. Коэн, Ш. Фицпатрик и рассматриваемый в обзоре Р. Суни).

Суни, опирающийся на труды американской советологии в целом, выражает все же позицию представителей объективистского подхода. Его анализ, обобщения и выводы особенно интересны и поучительны сегодня по той очевидной причине, что многие и многие российские историки перешли, порой очень легко, на позиции, близкие к подходам американских советологов-ортодоксов.

Поясню, что я понимаю под объективистским подходом. Данный подход в отечественной историографической традиции неизменно осуждался в связи с отсутствием у его представителей четкой классовой и теоретической позиции. На мой же взгляд, объективистский подход в сравнении со многими другими включает большие возможности приближения к объективной истине. При этом я разделяю то мнение, что объективная истина в исторической науке вообще недостижима, к ней можно только приближаться, равно как и невозможен подход, заслуживающий в полной мере определения "объективный". Но к нему можно стремиться, и это стремление заключено в том подходе, который определяется как объективистский. Одна из отличительных черт объективистского подхода - стремление к максимально полному выявлению всей совокупности самых разнообразных, в том числе взаимоисключающих исторических тенденций, и поиску их сбалансированного, соответствующего реальному историческому весу (хотя с абсолютной точностью определить его невозможно) представления в историческом труде.

Суни дал своей книге название "Советский эксперимент", в котором можно увидеть переключку с широко распространенным представлением о советской системе как о воплощении утопического проекта, выдвинутого Лениным и его последователями. Суни не отказывается и от использования определения "утопия" в отношении системы воззрений Ленина и большевиков, но в отличие от тех историков, которые видят в советской системе и Октябрьской революции продукт леворадикального волюнтаризма и заговора, он, не забывая о роли субъективного фактора и личностей в истории, стремится к максимальному раскрытию естественноисторических причин, обусловивших победу Октябрьской революции и торжество советской системы.

Знаменитые октябрьские события 1917 года в трактовке Суни выступают не как большевистский переворот (хотя и он имел место), а как большевистская революция, которая вполне заслуживает имя народной и русской революции. В отличие от ряда наших современных обществоведов, упирающих на марксистские корни большевизма, ленинизма и сталинизма, Суни исследует их генезис и триумф в первую очередь в контексте причинно-следственных связей российской истории. При этом доктринальная связь большевизма и марксизма не отрицается, но справедливо подчеркивается, что большевистское учение было очевидной национальной аберрацией марксизма, поскольку Маркс не предполагал возможности реализации его политической концепции

в слаборазвитых странах типа России. Большевистский национал-марксизм означал дискредитацию учения Маркса, но он воплотил и ту грандиозную социально-политическую утопию, которая лучше и полнее, нежели другие русские идеологии и утопии, выразила чаянья и надежды народных масс.

Российская история, в том числе и драматические перипетии конца XIX - начала XX века, предстают в книге Суни как история традиционного общества, в котором время от времени осуществлялись попытки модернизации. Но эти попытки всегда оказывались "модернизацией сверху", обслуживавшей потребности элит и не способной удовлетворить широкие социальные интересы и создать для себя прочную социальную опору. "Модернизация сверху" при всех ее перипетиях была наиболее успешной в пореформенные 50 лет, но и тогда она не смогла осуществить серьезные подвиги в материальном положении масс. Накануне Первой мировой войны Россия и ее народ продолжали пребывать в бедности: производство валового национального продукта на душу населения и среднедушевой доход были в 4-8 раз ниже, чем в странах Западной Европы и США (замечу, что в наше время этот разрыв не только не сократился, но даже увеличился). Модернизация в таком обществе была обречена оставаться крайне зыбкой и могла рухнуть от первого серьезного "подземного толчка". В 1914 году в России произошел не толчок, а социальное землетрясение: ее руководство имело несчастье ввязаться в мировую войну, обернувшуюся национальной катастрофой.

Рассматривая роль субъективного фактора в развитии драматических событий, Суни придерживается того мнения, что среди правящих, как и ведущих оппозиционных партий, не было ни одной, которая была способна предложить либерально-демократический вариант модернизации, объединяющий если не большинство общества, то хотя бы необходимое для обеспечения социальной стабильности его часть. Это ярко проявилось в судьбоносном 1917 году: те партии, которые присягнули идеалам либерализма и демократии, оказались невосприимчивы к насущным жизненным запросам крестьянства, рабочих, солдатских масс, национальных окраин. Либерально-демократическая революция февраля 1917 года осталась элитарной революцией, а параллельно и все больше в противовес ей развивалось множество массовых революций - крестьянская, рабочая, солдатская, национальная. Реальный шанс приобрести политическую власть в стране могла та партия, которая была способна возглавить эту мощную "революцию снизу". Ею и оказалась партия большевиков во главе с Лениным.

Нетрудно убедиться, что интерпретация Суни не вполне оригинальная, она во многом созвучна тому объяснению, которого придерживались сам Ленин и его последователи. Дело, однако, в том, что Суни, конечно же, не является ленинцем, более того, его характеристики авторитарной и тоталитарной природы большевизма во многом созвучны критике ярых оппонентов ленинизма. Но в отличие от последних Суни, рассматривающий события "как они были" (полагаю, вполне уместно воспользоваться этим ветхозаветным, но не устаревшим определением Л. фон Ранке), приходит к выводу, что Ленин и большевики не были орудием "германского" или какого-либо иного заговора и в 1917 году они не "изнасиловали" народ, а возглавили его, выразив его чаянья. Убедительность интерпретации Суни придает и то обстоятельство, что он опирается на многочисленные труды американских "социальных историков", которые на протяжении вот уже нескольких десятилетий плодотворно исследуют реальную роль и участие разнообразных социальных слоев и классов российского общества в событиях 1917 года.

Вывод о наличии объективной обусловленности политической победы большевизма присутствует и в тех частях книги Суни, которые посвящены гражданской войне 1918-1921 годов. Белое движение, выступившее в качестве главного политического противника большевиков, не смогло, да и не хотело выдвинуть лозунги и программы, способные привлечь на его сторону симпатии народа, ни по одному жизненно важному вопросу. В результате крестьяне, осознавшие реальную возможность восстановления помещичьего землевладения в случае победы белых, отдали предпочтение

большевикам как "меньшему из двух зол" [1, с. 88]. В период гражданской войны большевики ввели продразверстку, но тогда же конфисковали более 30 млн гектаров помещичьих и церковных земель, и в 1919 году 96,8% сельскохозяйственных земель оказалось во владении крестьян. Белые ничего не смогли противопоставить красным и по другим крупным социальным, национальным и политическим вопросам. Ленинские лозунги и декреты носили утопический и популистский характер, и их реализация оказалась в очевидном противоречии с идеологическими конструкциями. Но антибольшевистские элиты смогли предложить нации лишь возврат к старым тупикам российской истории. Эта альтернатива оказалась явно проигрышной.

Одними из самых удачных в книге Суни являются разделы, посвященные сталинскому периоду советской истории. Американский историк, обстоятельно используя обширную литературу и источники, воссоздает изменения в экономике, социальной структуре и политической организации в сталинское тридцатилетие. Прослеживая крах большевистских социальных и политических утопий, торжество государства - левиафана и тоталитарного политического режима, историк вместе с тем доказывает, что Сталину удавалось не только сохранять, но и упрочивать социальную базу нового общества, и пытается ответить на вопрос о причинах позитивного отношения широких масс к "сталинской революции". Причины эти были многообразными, но главными были две: во-первых, Сталин на практике доказывал, что СССР в кратчайший срок может превратиться из аграрно-индустриальной страны в мировую индустриальную державу (а ведь это оказалось не под силу ни одному из великих реформаторов дооктябрьской России), и во-вторых, он поддерживал режим высокой социальной мобильности, которая позволяла подниматься по социальной лестнице миллионам людей, для которых при прежнем режиме такая возможность вообще была исключена.

Здесь возникает вопрос о цене экономических успехов и социальной мобильности при сталинском режиме. Для историков, стоящих на гуманистической точке зрения (а Суни, безусловно, принадлежит к ним), цена эта выглядит страшной. Репрессии в отношении цвета крестьянства, политической, хозяйственной и интеллектуальной элиты показаны в книге американского историка обстоятельно, и вряд ли даже самые жесткие критики сталинизма обнаружат в этой картине серьезные упущения. Однако для понимания природы сталинского общества, верных исторических оценок его важен вопрос о том, как относились к этой цене миллионы рядовых, да и не только рядовых граждан СССР. Вопрос этот подводит нас к осмыслению политической культуры, ментальности, социокультурных характеристик граждан сталинского СССР - тех явлений, которые и в отечественной историографии, и в публицистике проанализированы пока явно недостаточно.

Не могу сказать, что они рассмотрены исчерпывающе и в книге Суни. Но из ее материалов по крайней мере можно заключить, что цена "сталинской революции" воспринималась ее современниками не так, как воспринимаем ее сегодня мы. Отношение к ней в сталинском СССР, на мой взгляд, хорошо иллюстрирует фраза из знаменитой песни рядовых героев сталинской эпохи, людей искренних и честных: "А нам нужна на всех одна победа, одна на всех, мы за ценой не постоим". Возможно, это прозвучит кощунственно, но для многих, если не для большинства наших соотечественников, живших в те времена, проблема цены "сталинской революции" в ее гуманистической трактовке вообще не возникала. Официальная же, широко одобряемая в массах оценка отвергала и клеймила подход к социальным проблемам с позиций "абстрактного гуманизма".

Возможно ли было иное развитие Советского Союза? В книге Суни вопрос этот практически не возникает. Не обсуждается столь актуальный в наше время вопрос о сходстве и различии ленинизма и сталинизма, о том, каковой могла быть судьба советского эксперимента, если бы не ранняя смерть Ленина. Не ставится и вопрос о "бухаринской альтернативе". Судя по всему, Суни мало верит в возможность альтернативной истории СССР. И здесь я должен солидаризироваться с американским

историком. По крайней мере представляется, что советский период нашего прошлого сформировался естественноисторическим образом, большевистская утопия была трагическим, но одновременно и исторически обусловленным этапом истории российской цивилизации.

К сожалению, разделы книги Суни, посвященные хрущевскому, брежневскому и горбачевскому периодам советской истории, не дают такой пищи для размышлений и дискуссии, как разделы о ленинском и сталинском периодах. Некоторые важные вопросы останутся втуне. Например вопрос о природе и судьбе косыгинских экономических реформ 1960-х годов. Или вопрос о том, как в брежневский период вызревали социальные и политические предпосылки горбачевской революции. Или вопрос об исторической логике горбачевских реформ и причинах их краха. Между тем в американской советологии, правда, не в историографии, а по преимуществу в политологии, социологии и экономической литературе, есть глубокие исследования по этой тематике. Но историографией, судя по всему, она пока разработана недостаточно. Тем не менее разделам книги Суни, посвященным хрущевскому, брежневскому и горбачевскому периодам, присуще очевидное достоинство: автор следует своей объективистской манере, пытаясь представить всю совокупность противоречивых явлений новейшей советской истории.

* * *

Хрущевский, брежневский, горбачевский, как и завершающая часть сталинского периода, составляют предмет монографии Пихоя "Советский Союз: история власти. 1945-1991". На мой взгляд, это исследование заслуживает быть названным фундаментальным, более того, это на сегодняшний день одно из лучших исследований политической истории СССР не только в отечественной, но и в мировой науке. Первое очевидное достоинство книги - введение в оборот исторической науки и исследовательская проработка огромного массива архивных документов КПСС, доступ к которым был открыт в 1991 году. Остается только поражаться тому, как за относительно короткий период исследователю удалось обработать и обобщить подобный монблан архивных данных. Второе достоинство книги Пихоя заключается в том, что автор стремится преодолеть политизированные подходы как прошлого, так и современности и следует той манере, которую я характеризую как сбалансированно-субъективистскую. В результате его анализ и выводы, как и книга в целом, выглядят впечатляюще и проигнорировать их невозможно, даже если стоять на совсем иных позициях.

Исследование Пихоя носит комплексный характер: он выявляет общеисторические, социально-экономические, внутри- и внешнеполитические тенденции каждого из рассматриваемых периодов и в их контексте рассматривает перипетии политической власти. Наибольший интерес в его книге вызывает, безусловно, анализ процедуры принятия важнейших политических решений, который и составляет собственно оригинальную часть исследования. Пихоя приводит аргументы в пользу того, что во второй половине XX века процесс принятия многих важнейших решений начинался с "опросного порядка": сначала методом опроса достигался консенсус между 4-5 государственно-партийными олигархами и только после этого вопрос выносился на политбюро и пленум ЦК КПСС. С хрущевского периода возрастает и постепенно в сравнении с другими институтами власти становится важнейшей роль аппарата ЦК КПСС. Кроме олигархов и аппарата ЦК КПСС в высшем управленческом звене важную роль также играли Совмин СССР, КГБ СССР и Министерство обороны СССР. А в целом "число главных действующих лиц послевоенной истории вряд ли превышало 3 тыс. человек" [2, с. 10]. В кругу этих лиц развивалось соперничество за доминирующее влияние в системе власти.

После начала горбачевских реформ отечественные историки и публицисты проделали огромную работу по раскрытию тайн "кремлевского двора" в различные эпохи,

особенно же в сталинский период. Пихоя использует и обобщает все эти изыскания, к которым добавляет результаты собственных архивных находок. В итоге создается полная и тщательно выписанная картина кремлевских политических перипетий. Эпицентром политической борьбы в период после Второй мировой войны и до смерти Сталина являлось столкновение двух основных группировок - Жданова-Кузнецова и Маленкова-Берии. При этом, как показано в монографии, Сталин в значительной степени сам провоцировал конфликты в своем ближайшем окружении. В последние годы жизни он вынашивал планы радикальных изменений в высших звеньях управления. Он избавлялся от ставших ему ненужными и одиозными деятелями карательных органов. Были арестованы и дожидались суда крупные деятели Министерства государственной безопасности во главе с министром Абакумовым. Ослабили позиции представителей "старой партийной гвардии" - Молотова, Ворошилова, Кагановича, Микояна. В стране возрождался террор. При этом, как доказывается в книге, на смену "большому террору" 30-х годов пришло систематическое подавление даже самой возможности появления оппозиции в СССР, стремление контролировать, а при малейшем подозрении - преследовать представителей элиты. Удачей разделов монографии, посвященных сталинскому периоду, следует признать полнокровные политические портреты как ведущих властных группировок, так и различных политических деятелей - Маленкова, Берии, Абакумова, Жданова, Вознесенского.

Ценные и разнообразные архивные материалы привлечены при освещении политических перипетий хрущевского периода. Книга проливает новый свет на такие важные эпизоды, как "реформаторская" деятельность Берии после смерти Сталина, подготовка "секретного доклада" Хрущева на XX съезде КПСС, июньский (1957 г.) и октябрьский (1964 г.) пленумы ЦК КПСС и другие. Остановлюсь на освещении в монографии июньского (1957 г.) и октябрьского (1964 г.) пленумов ЦК КПСС.

В монографии вскрывается противоречивость результатов этих пленумов и предпринята попытка преодолеть трактовку каждой из противоборствующих сторон только со знаком "плюс" или "минус". На самом деле мотивы каждой стороны были весьма сложны, хотя доминирующим для каждого участника был мотив борьбы за власть. В июне 1957 года Молотов и его сторонники, попытавшиеся отстранить Хрущева от власти и вынашивавшие реставрационные намерения, вместе с тем впервые указали на нарождение культа личности нового главы СССР и подвергли резкой критике хрущевский экономический волюнтаризм, в частности лозунг в ближайшие годы "догнать и перегнать Америку по производству мяса и молока на душу населения". Сам июньский пленум ЦК КПСС, принесший победу Хрущеву, ознаменовал важное нововведение в механизм политической власти в СССР. Вот как обобщает это нововведение автор: "По нашему мнению, значение этого пленума в истории СССР явно недооценено. Полагаем, что это было отчасти связано с недоступностью его документов. Между тем именно летом 1957 года в столкновении государственных институтов власти, представленных в Президиуме ЦК, с высшим аппаратом ЦК КПСС отныне и до 1990 года победил именно аппарат ЦК, став полным хозяином всей власти в стране. До этого времени, хотя бы рудиментарно, глава именно государственной власти - от Ленина до Сталина и Маленкова, председательствуя на Политбюро (Президиуме) ЦК, руководил и государством, и партией. Сейчас же произошло существенно более значимое событие, чем устранение из политической жизни Молотова, Маленкова, Кагановича и "примкнувшего к ним Шепилова". Впервые аппарат (партийный генералитет) - секретари ЦК, заведующие отделами ЦК, первые секретари крайкомов и обкомов - творил суд, определял политику, исходя из своих корпоративных интересов. Испытанный механизм номенклатуры, находящийся в руках все того же партийного аппарата, позволил им окончательно подчинить, поставить под партийный контроль и полную зависимость весь высший государственный аппарат" [2, с. 182].

Обращаясь к октябрьскому (1964 г.) пленуму ЦК КПСС, Пихоя приходит к выводу, что "отставка Хрущева продемонстрировала победу того курса, который утверж-

дался самим Хрущевым, - курса на самовластие аппарата" [2, с. 227]. Но это только один из его выводов. Преодолевая односторонние оценки отставки Хрущева, в частности распространившееся и даже укоренившееся в последнее десятилетие представление, что октябрьский пленум ЦК КПСС 1964 года ознаменовал победу неосталинистов над реформаторами и означал "откат" назад в советском историческом развитии, Пихоя раскрывает неубедительность такой оценки. В действительности октябрьский пленум заключал в себе разнообразные мотивы, а одним из важных было пресечение волюнтаристской внутри- и внешнеполитической деятельности Хрущева, нанесшей в 60-е годы огромный ущерб и СССР, и миру. Как показано в монографии, октябрьский пленум ЦК КПСС, явившийся по форме олигархическим дворцовым переворотом, вместе с тем на некоторое время высвободил позитивные тенденции в развитии СССР. Их пресечение и переход к неосталинизму произошли уже на рубеже 60-70-х годов и были связаны с иными политическими перипетиями.

Полифонический подход присущ автору при рассмотрении брежневского периода советской истории. Этот период, с чем согласятся многие историки, разделяется им на два этапа: до и после 1968 года. Первый этап ознаменовался важными экономическими нововведениями, в первую очередь сельскохозяйственной и промышленной реформами 1965 года. В сравнении с другими авторами, обращавшимися к этой теме, Пихоя приводит больше данных, свидетельствующих об определенных позитивных результатах этих реформ и делает вполне оправданный вывод: восьмая пятилетка (1965-1970) стала одной из самых успешных в экономике страны, расширилось промышленное производство, удалось ослабить зависимость от закупок продовольствия за границей (после тяжелых 1963-1965 годов СССР резко сократил закупки продовольствия за рубежом). Вместе с тем автор не смог дать полного ответа на вопрос о причинах, в том числе внутривнутриполитических, краха этих реформ. А такой ответ крайне актуален: многие наши соотечественники убеждены и сегодня, что косыгинские реформы могли развиваться успешно и обеспечить жизнь советской экономике.

Могли ли? Аргументация и ответы на этот вопрос оказываются самыми разнообразными, на мой же взгляд, косыгинские реформы были несовместимы в первую очередь с политической природой советского командно-административного социализма. В пользу такого вывода свидетельствуют горбачевские экономические реформы второй половины 80-х годов, которые были еще более радикальны, чем косыгинские реформы, но которые также разбились о советскую политическую систему. Горбачев попытался перестроить эту систему, и в результате рухнул весь советский эксперимент.

В книге Пихоя первопричиной отказа от косыгинских реформ выступает подавление "пражской весны" 1968 года: "разгром реформ в Чехословакии стал началом конца реформ в СССР" [2, с. 343]. Представляется, что рассмотрение политических перипетий, связанных с чехословацкими событиями, является одним из лучших разделов монографии. Используя собственные архивные изыскания, Пихоя воссоздает историю вызревания драмы 1968 года и конкретно-политический механизм репрессивно-олигархического подавления "пражской весны".

Многоплановый характер носит глава монографии, посвященная второму этапу пребывания Брежнева у власти. Экономический застой, переросший в кризис, и утверждение неосталинистского политического режима - вот лейтмотив этой главы. Ее "изюминками" являются разделы, в которых раскрывается механизм выработки политической позиции советского руководства в отношении Вьетнама в конце 1960 - начале 1970-х годов, Афганистана - в конце 1970-х годов и Польши - в начале 1980-х годов. Научную значимость этим разделам опять-таки придают разнообразные архивные материалы. Некоторые из них носят сенсационный характер: к таковым, например, относятся документы, свидетельствующие, что важнейшее решение о вводе советских войск в Афганистан 12 декабря 1979 года было принято на даче Л. Брежнева председателем КГБ Ю. Андроповым, министром обороны Д. Устиновым, министром иностранных дел А. Громыко, Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. Бреж-

невым и заведующим Общим отделом ЦК КПСС К. Черненко и только позже оно было оформлено как решение Политбюро.

Последние разделы монографии посвящены завершающим периодам истории СССР, в частности этапу горбачевских реформ. Полагаю, что они уступают предшествующим разделам. Им не достает главного, что придает новаторский характер предшествующим главам, - солидной архивной базы. Автор опирается по преимуществу на мемуары участников политических событий второй половины 80-х годов, которым часто присущ субъективизм и которые грешат многими фактическими ошибками (последние, правда, в монографии не воспроизводятся). Да и концептуальный уровень завершающих разделов ниже уровня предшествующих глав. Жаль, что Пихоя не обратился к экономическим, социологическим и политологическим исследованиям о заключительном периоде существования СССР: они многое дают для понимания его сущностных и причинно-следственных характеристик.

Последнее мое замечание подводит и к более широкому размышлению о путях дальнейшего и более углубленного постижения природы политической власти в СССР. Оно невозможно без междисциплинарного подхода, особенно без использования приемов исторической политологии и политической социологии. Дальнейшая научная разработка темы потребует изучения политической культуры элит и масс в СССР, форм их политического участия, взаимодействия властных вертикалей и горизонталей. Это позволит по-новому "заиграть" и богатейшим материалам, собранным в монографии Пихоя, даст возможность для новых обобщений и теоретико-исторических построений.

Что же касается рассматриваемой монографии, то ее автор в полной мере справился с поставленными перед собой задачами. Им создано фундаментальное новаторское исследование по политической истории СССР. "Планка" изучения политического опыта СССР поднята на новую высоту, и исследователи темы в последующем должны будут так или иначе равняться на нее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Suny R.G.* The Soviet Experiment, Russia, the USSR and the Successor States. New York, 1998.
2. *Пихоя Р.Г.* Советский Союз: история власти. 1945-1991. М, 1998.

© В. Согрин, 1999